

黒田家

忠誠・名誉・絆

ПО ТУ СТОРОНУ
КЛАНА

КУРОДА

18+

18+

К. Д. Рейн

По ту сторону клана Курода

«Автор»

2026

Рейн К.

По ту сторону клана Курода / К. Рейн — «Автор», 2026

Аканэ Тачибана знает Рэна Куроду ещё со средней школы. Тихий, нерешительный и щуплый парень постоянно попадал в неприятности, а Аканэ раз за разом приходилось вставать на его защиту. Всё изменилось, когда Рэн уехал к деду. Он говорил, что тот стар и болен и ему нужна помощь. Они продолжали переписываться и иногда созванивались по видео, но почти год не виделись лично. И вот Рэн возвращается в Токио. Только перед Аканэ оказывается уже не тот мягкотелый парень, которого она привыкла защищать. Он стал сильнее, увереннее и заметно изменился — и явно не рассказывает всего, что произошло с ним за время отсутствия. Пока давняя дружба постепенно превращается во что-то большее, Аканэ начинает узнавать человека, которого, как ей казалось, она всегда знала лучше всех. А вместе с новым Рэном ей предстоит познакомиться и с другой стороной семьи Курода — той, о существовании которой до недавнего времени не знал даже сам Рэн.

© Рейн К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Возвращение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

К. Д. Рейн

По ту сторону клана Курода

Глава 1: Возвращение

30 марта

Поезд прибыл на станцию Хосикава в шестнадцать сорок две.

Рэн Курода открыл глаза ещё до того, как по вагонам разнёсся голос диктора. За окном медленно проплывали многоэтажные дома, рекламные вывески и узкие улицы, над которыми висело бледное весеннее небо. На ветвях деревьев уже набухли почки, но до настоящего цветения сакуры оставалось ещё несколько дней.

Девять месяцев назад этот город казался ему тесным и шумным.

Теперь — почти родным.

Рэн поднялся со своего места и без труда снял с багажной полки тяжёлую дорожную сумку. Женщина через проход невольно скользнула взглядом по его рукам, но он этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Свободная тёмная куртка скрывала большую часть изменений, произошедших с его телом. Плечи стали шире, движения — спокойнее и точнее. Он больше не сутулился и не пытался занимать как можно меньше места.

Когда двери открылись, поток пассажиров вынес его на платформу.

Рэн остановился в стороне, позволив людям пройти мимо. Кто-то торопился к выходу, кто-то встречал родственников, а возле колонны маленькая девочка бросилась к отцу и повисла у него на шее.

Он отвернулся.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

На экране высветилось сообщение от деда.

Гэндзо:

Добрался?

Рэн несколько секунд смотрел на имя отправителя.

Девять месяцев назад он приехал в поместье, уверенный, что должен позаботиться о больном и престарелом родственнике. Таким Гэндзо представляли родители. Таким его описывал сам дед во время редких телефонных разговоров: ворчливым стариком, который жаловался на суставы, погоду и неблагодарного внука.

Всё оказалось ложью.

Даже сутулость Гэндзо исчезла в тот вечер, когда люди в чёрных костюмах выстроились перед ним и одновременно склонили головы.

Рэн набрал короткий ответ.

Рэн:

Да.

Сообщение было прочитано почти сразу.

Гэндзо:

Не забывай, чему тебя учили.

Рэн сжал телефон сильнее, чем собирался.

Перед глазами на мгновение возник деревянный тренировочный зал. Запах пота, крови и старого лака. Холодный голос наставника. Удары бамбуковой палки по спине каждый раз, когда он опускал руки.

А затем — другое воспоминание.

Тёмный переулок.

Крик.

Блеск ножа.

Лицо девушки, которое он до сих пор видел во сне.

Рэн медленно выдохнул и убрал телефон в карман.

— Я вернулся не ради этого, — тихо сказал он.

Шум станции поглотил его слова.

Он подхватил сумку и направился к выходу.

Впервые за девять месяцев ему не нужно было следить за тем, кто стоял за спиной. Не нужно было просыпаться до рассвета, выходить на тренировочный двор и слышать, что будущий глава клана не имеет права быть слабым.

По крайней мере, он хотел в это верить.

Теперь у него снова был университет.

Квартира.

Работа у дяди, где самой серьёзной угрозой оставался испорченный крем.

И Тачибана.

От одной мысли о ней шаг стал чуть легче.

Квартира встретила Рэна тишиной и запахом застоявшегося воздуха.

Он оставил сумку в прихожей и несколько секунд стоял, не разуваясь.

Здесь почти ничего не изменилось.

Светлая гостиная, низкий стол перед диваном, закрытые шторы. На полках остались книги, диски и несколько старых фигурок, которые он когда-то собирал. Возле телевизора лежал пульт, оставленный под тем же углом, под каким Рэн положил его перед отъездом.

Словно девять месяцев просто выпали из жизни этого места.

Квартиру ему оставили родители, когда окончательно перебрались за границу. Последние пять лет Рэн жил здесь один, хотя первое время мать звонила почти каждый вечер и спрашивала, не забыл ли он поесть.

Потом звонки стали реже.

Рэн снял обувь и прошёл в гостиную. Под его пальцами на спинке дивана осталась тонкая полоса в пыли.

— Прекрасно.

Он раздвинул шторы.

Комната наполнилась сероватым вечерним светом. За окном простирались крыши соседних домов, а дальше виднелись корпуса университета Сэйран. Пешком до кампуса было около двадцати минут. До студенческих апартаментов Тачибаны — ещё меньше.

Рэн замер у окна.

Она была всего в километре от него.

Во время жизни в поместье они часто переписывались, но сообщения становились всё короче. Иногда между ними проходило по несколько дней тишины. Тренировки, дистанционные занятия и помощь дяде почти не оставляли свободного времени.

Несколько раз Тачибана звонила по видеосвязи.

В такие моменты Рэн обычно надевал свободную толстовку и садился так, чтобы камера показывала только лицо и плечи. Он не хотел объяснять синяки. Не хотел, чтобы она увидела пербинтованные ладони или заметила, насколько сильно он изменился.

Ещё меньше он хотел рассказывать, почему.

Рэн достал телефон.

Чат с Тачибаной находился в самом верху списка. Последнее сообщение она отправила накануне вечером.

Тачибана:

Не забудь, что первого числа у нас собрание.

Если снова проспишь, я лично вытащу тебя из кровати.

Рэн невольно улыбнулся.

Раньше она действительно могла это сделать.

В средней школе Тачибана вытаскивала его из куда более неприятных мест.

Из толпы старшеклассников, решивших проверить содержимое его карманов.

Из подсобки спортивного зала, куда его однажды заперли.

Из-за спины преподавателя, когда Рэн слишком боялся признаться, что одноклассники порвали его тетрадь.

Она всегда вставала между ним и теми, кто был сильнее.

Тогда Рэну казалось естественным прятаться за тонкой девичьей спиной.

Теперь одно воспоминание об этом вызывало неприятное чувство под рёбрами.

Он открыл клавиатуру.

Написал:

Я вернулся.

Удалил.

Снова набрал:

Тачибана, я уже дома.

Рэн перечитал сообщение трижды.

Слишком официально.

Удалил и это.

В конечном счёте он вернулся к первому варианту.

Куроода:

Я вернулся.

Сообщение было доставлено.

Рэн положил телефон на стол и направился открывать окна.

Не успел он коснуться ручки, как раздался звонок.

На экране появилось имя Тачибаны.

Рэн глубоко вдохнул и принял вызов.

— Аллю.

— Что значит «я вернулся»?!

Её голос ударил по нему сильнее любого окрика наставника.

Рэн отодвинул телефон от уха.

— Именно это и значит.

— Курода!

— Тачибана.

— Не передразнивай меня. Ты сейчас где?

— В квартире.

— С каких пор?

Рэн посмотрел на часы.

— Примерно три минуты.

На другом конце наступила короткая тишина.

— Ты вернулся три минуты назад и решил сообщить мне только сейчас?

— Я написал почти сразу.

— Ты знал дату возвращения заранее?

— Да.

— И ничего мне не сказал?

— Я хотел сделать сюрприз.

— Сюрпризом было бы появиться с тортом. А это называется скрыть важную информацию.

Рэн улыбнулся шире.

Он почти забыл, насколько быстро Тачибана начинала говорить, когда волновалась.

— Прости.

— Не прощу.

— Понятно.

— Даже уговаривать не будешь?

— Ты только что сказала, что не простишь.

— Раньше это тебя не останавливало.

Рэн прислонился плечом к стене.

— Раньше ты обычно прощала меня ещё до того, как я успевал извиниться.

— Неправда.

— В средней школе я разбил твою любимую кружку.

— Она была уродливая.

— Ты плакала.

— Мне в глаз попал осколок.

— Пластиковый?

На другом конце снова стало тихо.

— Курода.

— Да?

— Ты стал разговорчивее.

Улыбка исчезла с его лица.

Рэн посмотрел на своё отражение в тёмном экране телевизора. Короткие чёрные волосы, более резкие черты лица, спокойный взгляд.

Он действительно изменился.

Возможно, сильнее, чем хотел признавать.

— Просто давно тебя не слышал, — ответил он.

Голос Тачибаны стал мягче.

— Я тоже.

Несколько секунд они молчали.

Рэн мог различить далёкий шум воды и стук посуды. Вероятно, она находилась на кухне своих апартаментов.

Всего в километре.

— Я сейчас приду, — заявила Тачибана.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Здесь пыльно. Холодильник пустой. Я ещё даже сумку не разобрал.

— Я не собиралась проводить инспекцию.

— Ты всегда проводишь инспекцию.

— Только когда есть основания сомневаться, что ты способен выжить без присмотра.

— Я девять месяцев выживал без твоего присмотра.

Рэн пожалел о сказанном сразу же.

Тачибана не ответила.

Лёгкость разговора исчезла.

Он прикрыл глаза.

— Прости. Я не это имел в виду.

— Знаю.

Она попыталась произнести это беззаботно, но Рэн услышал перемену в её голосе.

За девять месяцев она ни разу не жаловалась, что он отвечает редко. Не задавала лишних вопросов, когда он отменял видеозвонки. Не требовала объяснять, почему иногда пропадал на несколько дней.

Она просто продолжала писать.

Рассказывала о занятиях, преподавателях, новых проектах и соседях. Присылала фотографии неудачных завтраков и эскизы костюмов. Ругалась, если он отвечал после полуночи, и напоминала отдыхать.

Для Рэна эти сообщения стали единственной частью прежней жизни, которую у него не смогли отнять.

— Тачибана, — произнёс он.

— М-м?

— Давай встретимся завтра.

— Почему не сегодня?

— Потому что если ты сейчас придёшь, то увидишь человека, который десять часов провёл в дороге и пахнет поездом.

— Я видела тебя после школьного марафона.

— Это было хуже?

— Значительно.

Рэн тихо рассмеялся.

Смех прозвучал непривычно даже для него самого.

— Тогда тем более.

— Хорошо, — с явной неохотой согласилась Тачибана. — Завтра в полдень.

— У меня?

— Нет. У меня.

— Почему?

— Потому что в твоём холодильнике пусто, а я не собираюсь смотреть, как ты питаешься лапшой быстрого приготовления в первый же день после возвращения.

— Я могу сходить в магазин.

— Курода.

— Понял.

— И не опаздывай.

— Постараюсь.

— Это не тот ответ.

Рэн закатил глаза, хотя она не могла его видеть.

— Не опоздаю.

— Лучше.

Он уже собирался попрощаться, когда услышал:

— Курода?

— Да?

Тачибана помолчала.

— Я рада, что ты вернулся.

В груди стало неожиданно тесно.

Рэн отвернулся к окну.

По стеклу скользило отражение комнаты — пустой, холодной и слишком большой для одного человека.

— Я тоже рад, — тихо ответил он.

— До завтра.

— До завтра, Тачибана.

Вызов завершился.

Рэн ещё несколько секунд держал телефон возле уха.

Затем опустил руку и посмотрел на экран.

Три минуты разговора.

Нет, почти одиннадцать.

Он не заметил, как прошло время.

Уборка заняла больше четырёх часов.

Рэн открыл окна, стёр пыль, сменил постельное бельё и выбросил продукты, срок годности которых истёк ещё осенью. Большая часть посуды нуждалась в повторном мытье, а внутри чайника обнаружился такой слой налёта, что сам чайник проще было заменить.

Около девяти вечера квартира снова стала похожа на жилую.

Рэн принял душ и переоделся в домашнюю футболку и спортивные штаны. Ткань футболки натянулась на плечах сильнее, чем раньше. Большая часть одежды в шкафу теперь сидела слишком тесно.

Он встал перед зеркалом и потянул ворот в сторону.

На боку, чуть ниже рёбер, виднелась тонкая светлая линия. Шрам не бросался в глаза и почти сливался с кожей. Если не знать, куда смотреть, его можно было не заметить.

Рэн провёл по нему пальцами.

В памяти снова мелькнул нож.

Резкий толчок.

Тепло крови под одеждой.

И глаза девушки, смотревшей на него так, будто он был её последней надеждой.

Он отдернул руку.

Телефон, оставленный на кровати, завибрировал.

Тачибана:

Ты хоть поел?

Рэн посмотрел на пустую упаковку готового карри, купленного на станции.

Курода:

Да.

Ответ пришёл мгновенно.

Тачибана:

Что?

Он сфотографировал упаковку и отправил ей.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем телефон зазвонил.

Рэн отклонил вызов.

Курода:

Я устал.

Тачибана:

Я собиралась объяснить тебе, почему это нельзя считать нормальным ужином.

Курода:

Именно поэтому я не ответил.

Тачибана:

Завтра накормлю тебя настоящей едой.

Курода:

Уже боюсь.

Тачибана:

Правильно.

Следом пришло ещё одно сообщение.

Тачибана:

Спокойной ночи, Курода.

И правда рада, что ты дома.

Рэн долго смотрел на эти строки.

Дом.

Он приехал в знакомую квартиру. Вернулся в город, где прожил большую часть жизни. Через два дня должен был снова сидеть в университетской аудитории, слушать объявления куратора и притворяться обычным студентом второго курса.

Но только после сообщения Тачибаны у него впервые появилось ощущение, что он действительно вернулся.

Курода:

Спокойной ночи, Тачибана.

Он выключил свет и лёг.

Усталость почти сразу потянула его в сон.

Аканэ Тачибана сидела на краю кровати, прижимая телефон к груди.

Она уже несколько минут смотрела в одну точку и чувствовала себя полной идиоткой.

Курода вернулся.

Не через неделю. Не когда-нибудь в апреле. Не после очередного расплывчатого «пока не знаю».

Он уже находился в Хосикаве.

Всего в километре от неё.

Аканэ упала спиной на кровать и закрыла лицо руками.

— Мог хотя бы предупредить...

Возмущение было искренним, но слишком слабым, чтобы скрыть радость.

Последние девять месяцев она каждый день старалась не думать о том, как сильно по нему скучает.

Это получалось плохо.

Сначала Аканэ писала ему обо всём подряд. Потом заметила, что Курода всё чаще отвечает коротко и с большими перерывами. Она решила, что дед действительно тяжело болен, а сам Рэн просто не хочет жаловаться.

Поэтому не давила.

Не спрашивала, почему во время редких видеозвонков он сидит в полутёмной комнате. Не уточняла, откуда у него ссадина на скуле. Делала вид, что верит объяснению про неудачно открытую дверь.

Аканэ повернулась на бок и открыла их переписку.

Она пролистала сообщения до одного из последних видеозвонков. Курода был в тёмной толстовке с широкими рукавами. Камера показывала его лицо лишь наполовину, но даже тогда он казался другим.

Спокойнее.

Серьёзнее.

В его голосе исчезла привычная робость.

Сегодня Аканэ снова это слышала.

Раньше стоило ей повысить тон, как Курода начинал оправдываться. Теперь он спокойно спорил с ней и даже несколько раз загнал её в угол собственными шутками.

— Стал разговорчивее, значит...

На губах появилась улыбка.

Интересно, насколько ещё он изменился?

Аканэ перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку.

Завтра она увидит его впервые за девять месяцев.

Эта мысль заставила сердце забиться быстрее.

О своих чувствах Аканэ знала уже три года.

Осознание пришло не в какой-то особенный день. Не было ни праздничного салюта, ни случайного поцелуя, ни драматичного спасения под дождём.

Курода просто заболел и несколько дней не приходил в школу.

На третий день Аканэ поняла, что постоянно поворачивается к его пустому месту. Ей не хватало тихих замечаний, неловких улыбок и того, как он всегда отдавал ей клубничную часть десерта, хотя сам тоже её любил.

После этого всё стало очевидно.

По крайней мере, для неё.

Курода оставался безнадёжно слеп.

Аканэ приподнялась и посмотрела на шкаф.

Встреча была назначена на полдень.

Обычный обед со старым другом.

Абсолютно ничего особенного.

Она открыла шкаф.

Через десять минут на кровати лежали три кофты, две юбки и платье, которое Аканэ ни разу не надевала в университет.

Она посмотрела на вещи.

Потом на своё отражение в зеркале.

— Это просто обед.

Отражение смотрело на неё с явным недоверием.

Аканэ взяла платье и вернула его в шкаф.

Через несколько секунд достала снова.

Рэн проснулся от крика.

Он резко сел на кровати, уже подняв руки перед лицом.

Комната была тёмной.

Никакого переуллка.

Никаких шагов.

Никакого ножа.

Только собственное тяжёлое дыхание и свет электронных часов на тумбочке.

02:17.

Рэн провёл ладонью по лицу.

Перед глазами всё ещё стояла девушка.

Во сне она никогда не звала на помощь.

Она просто смотрела на него и спрашивала:

Почему ты меня не спас?

Рэн поднялся, вышел на балкон и прикрыл за собой дверь.

Ночной воздух был холодным. В окнах соседних домов почти не горел свет. Где-то вдали прошёл последний поезд.

Он достал из кармана куртки пачку сигарет.

На секунду задержал одну между пальцами.

В поместье он впервые закурил через несколько дней после похорон девушки. Тогда ему казалось, что горечь дыма помогает заглушить воспоминания.

Не помогала.

Но привычка осталась.

Рэн щёлкнул зажигалкой и сделал первую затяжку.

Телефон лежал на столе в комнате. Экран неожиданно загорелся от нового сообщения. Рэн видел только имя отправителя.

Тачибана.

Он затушил сигарету после второй затяжки и вернулся внутрь.

Тачибана:

Я знаю, что ты, скорее всего, уже спишь.

Но если завтра опоздаешь, я всё равно обижусь.

Под сообщением находилась фотография кастрюли с подписью:

Готовлю обед заранее. Цени мои жертвы.

Рэн тихо усмехнулся.

Кошмар ещё цеплялся за сознание, но лицо погибшей девушки постепенно отступало.

Его место занимала Тачибана — сердитая, шумная и, вероятно, уже придумавшая ему наказание за внезапное возвращение.

Рэн лёг обратно и положил телефон рядом с подушкой.

До встречи оставалось меньше десяти часов.

Впервые за девять месяцев он ждал наступления утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.